

результате в современном обществе независимо от уровня развития и особенностей культурной динамики обнаруживается принципиальная неготовность вести диалог как политический, так и культурный.

В условиях обострившейся культурной конкуренции и ослабления национального компонента в формировании идентичности государства прибегли к давно проверенному инструменту влияния – исторической политике. Инструментальное использование истории для обоснования существующего социального порядка, властных притязаний, определенной позиции в межгосударственном или межэтническом конфликте существовало издавна. В последние десятилетия подобная практика приобрела доселе невиданный масштаб (во многом благодаря завоеваниям компьютерной и коммуникационной революций), приняв форму целенаправленной деятельности по созданию специальных учреждений, контролю и насыщению информационного поля с целью индоктринации населения с использованием различных трактовок событий прошлого для решения текущих политических задач.

Термин «историческая политика» появился в Германии периода Гельмута Коля и характеризовал его попытку «переформатировать» социальные представления немцев о нацистском прошлом. Однако окончательное оформление исторической политики как реальной внутри – и внешнеполитической практики связано с президентством Леха Качиньского в Польше и политической деятельностью партии «Право и справедливость». Сейчас историческая политика стала неотъемлемой составляющей внутренней и внешней политики стран, а также геополитики. Показателен пример постсоветского региона, где наблюдаются такие явления как «войны памяти», «дипломатия памяти», «экспорт вины», «конкурирующая виктимизация прошлого». Анализ практики применения исторической политики в странах бывшего соцлагеря дает основания утверждать, что проводимая властями историческая политика не только не способствует, но и разрушает кросс-культурный диалог, являясь основанием для роста межнациональной неприязни.

Основными акторами современных «войн памяти» на постсоветском пространстве являются Польша, Украина, прибалтийские государства и Россия, притом линия фронта пролегает между Российской Федерацией и остальными

ПРОБЛЕМА ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ УНИФИКАЦИИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Мацитько О. В. (Минск, Беларусь)

Межкультурный диалог как условие мирного сосуществования народов является одной из характерных черт современной эпохи. Между тем, установка на диалог зачастую выдвигается в качестве императивного

требования времени, и за рамками дискуссии остаются вопросы о том, насколько и в какой мере такой диалог возможен. В настоящей статье проблема межкультурного диалога будет рассмотрена со стороны его языковой и идеологической составляющей. Основные принципы современного межкультурного диалога соответствуют логике развития неявной идеологии в постидеологическую эпоху. Одной из ее базовых лингвистических характеристик является языковая унификация, приходящая на смену лингвистическому разделению. Унификация трактуется как приведение к единообразию, нечеткость самоидентификации, расплывчатость границ.

В самом общем смысле унификация трактуется как приведение к единообразию. Идеологическая унификация в самом общем смысле предполагает пересмотр понятия идентичности, при котором власть выступает в качестве инструмента манипуляции и «производства» сознания. На знаковом уровне это отображается в положении, согласно которому субъект – это «пустое место», содержание которого определяется символической системой. Например, в концепции Э. Лакло и Ш. Муффа идентичность является результатом дискурсивных процессов. Субъекты – позиции внутри дискурсивной структуры, а идентичность – идентификация человека с субъектной позицией в структуре дискурса [6]. Унификация, таким образом, предполагает утрату онтологического статуса субъективности. В рамках постмодернизма идеологическая унификация базируется на концепции смерти субъекта, означающей тотальную детерминированность индивида со стороны нарративных структур, превращение его в функцию текстологической реальности, его конституирование господствующими типами дискурса. Текстуализация является при этом неизбежно обладает идеологическим эффектом.

Конструирование идентичности является одной из характерных черт идеологии потребления. Связь потребления с символическим конституированием идентичности стала одной из наиболее дискуссионных тенденций в современном социогуманитарном познании. Функция потребления – создание единого общества при сохранении атомизации и стандартизации индивидуумов. Вещи как знаки играют решающую роль в формировании обыденного сознания и внедрения культурных ценностей. Данный аспект затрагивает основы понимания сущности человека. Современная система потребления подрывает веру в ядро идентичности, веру в то, что за различием оболочек скрывается единство личности.

В работе С. Жижека «Кукла и карлик» прописывается контраст между понятием «фактор икс», принадлежащем Ф. Фукуяме, и отображающем убежденность, что за внешними появлениями личности скрывается сущность, «сам человек», и экспериментом журнала «Стэрн», который эту убежденность подрывает. Ф. Фукуяма указывает на наличие некоего неуловимого «фактора икс», который отвечает за достоинство, присущее всем людям. Если стереть случайные и несущественные черты личности, остается некое важное качество человека, достойное минимального уровня

уважения. Контрастным примером является эксперимент журнала «Стерн». Эксперимент состоял в том, что журнал заплатил опустившейся паре бездомных, чтобы они позволили себя вымыть и передать в руки лучших модельеров и парикмахеров. В одном из номеров журнала были опубликованы два параллельных ряда фотографий, снятых «до» и «после». Результат шокировал тем, что уверенность в том, что за разной внешностью скрывается один и тот же человек, поколебалась. Хотя и было ясно, что мы имеем дело с одним и тем же человеком, другой казалась не только внешность. Зрители каким-то образом почувствовали другую личность за внешним обликом [2, с. 264–270]. Этот эксперимент подорвал веру в ядро идентичности, которая отвечает за наше достоинство и сохраняется, невзирая на изменения внешности. Эксперимент заставил думать, что сердцевина нашей субъективности – это пустота.

Одним из самых интересных предметов лингвистико-идеологического анализа, имеющим прямое отношение к унификации, является феномен политкорректности. В рамках идеологии политкорректности склонность к компромиссу легко оборачивается требованием отсутствия ярко выраженных ценностных предпочтений, уклонение от конфликтов, недопустимость разделения людей на нормальных и неполноценных – унификацией, пропаганда культурного плюрализма – навязыванием единой общеобязательной модели культуры, предполагающей отсутствие иерархии. А недопустимость дискриминации вообще стала притчей во языцех, поскольку совершенно явственно оборачивается диктатом со стороны меньшинств. Поэтому декларируемая терпимость сочетается с нетерпимостью по отношению тем, кто ориентирован на сохранение самотождественности. Один из примеров приводит У. Эко: «В Колумбийском университете преподавателям было предложено обратить внимание на три новых термина, которые вошли в словарь «политической корректности» (или, как все в США сокращают, ПК) и которые обозначают три вида возможного нарушения прав личности, в данном случае – студента. Вот эти термины: *mentalism*, *adultism* и *lookism*. Под «ментализмом» понимается то, что нельзя дать собеседнику понять, будто ты считаешь его умственные способности недостаточными, ибо тут будет иметь место очевидная дискриминация по уровню интеллекта. «Адальтизм» – это когда ты не должен давить своим возрастом на того, кто моложе тебя, ибо это очевидная дискриминация по дате рождения. Что же до «лукизма», который можно перевести как «внешнизм», то тут ты не должен дать собеседнику почувствовать, что ты его считаешь некрасивым, ибо это будет дискриминация по физическим данным» [5, с. 93]. В связи с этим У. Эко вполне справедливо отмечает, что есть сильный и слабый вариант непolitкорректного поведения: «Если расовая дискриминация – это когда (сильный вариант) мы берем темнокожего и вешаем его на дереве, распевая «Дикси», то и без всякой ПК каждый знает, что так поступать не следует. Но если актеру-афроамериканцу, который претендует на роль Эрика Рыжего, нельзя намекнуть, что он не очень похож на викинга, тогда эта ПК рискует

сделаться несколько навязчивой, тем более что по такой логике будет сексистской дискриминацией не утвердить Клаудию Шиффер на роль «Кинг-Конга» [5, с. 108]. Однако в отношении примера из Колумбийского университета применение «слабого» варианта политкорректности к системе обучения будет иметь достаточно странные последствия: «Если преподаватель скажет студенту, что тот ошибается, утверждая, будто прямоугольный треугольник кипит при 90 градусах или будто Джузеппе Мадзини был градостроителем, построившим множество улиц своего имени, не переступит ли он тем самым черту, не впадет ли в «ментализм»? Может, преподаватель должен сказать так: «Прошу прощения, я, кажется, плохо изложил материал; в самом деле, я недостаточно прояснил разницу между градусом по Цельсию, градусом в геометрии и градусом в алкоголе; так простите же меня, и начнем все заново; извините мне мое скудоумие...»» [5, с. 38]. Как тут не вспомнить Конфуция и его утверждение, что правильность в употреблении имен – один из источников человеколюбия и гармонии. А. Кураев отмечает: «Нынешняя борьба за «терпимость» таит в себе возможность превратиться в гонение. Ведь она предусматривает принятие решительных мер против проповедников «расовой, религиозной, национальной исключительности». Поскольку «фашизмом» названа проповедь «национального и религиозного превосходства», где гарантия, что священник, в Неделю Торжества Православия произносящий слово о том, насколько богословски глубже и человечнее православное почитание иконы, нежели протестантское иконоборчество, – не будет привлечен к ответственности за «пропаганду фашизма»? А если священник скажет, что христианину нельзя ходить на уроки тантризма и на сеансы пробуждения «силы кундалини», – арестовывать, очевидно, надо будет прямо на месте?!» [3, с. 65].

В рамках идеологии посткапиталистического общества принцип унификации сегодня ярко проявляется в области полового воспитания, весьма агрессивно ориентирующего на стирание границы между «нормальным» и «ненормальным», запрещенным и приемлемым. Обращает на себя внимание, что декларации терпимости по данному вопросу не выражаются в уважении к противникам новых принципов воспитания. Например, католические и лютеранские церкви Германии подвергли жесткой критике план властей федеральной земли Баден-Вюртенберг по введению в школьную программу предмета «Разнообразие сексуальных отношений». Более 61 тыс. жителей немецкой земли Баден-Вюртемберг подписались под онлайн-петицией против появления в школах занятий, на которых будут более подробно рассказывать о гомосексуализме и о том, что не все люди подпадают под стандартную схему «мужчина и женщина». Об этом, как сообщает InoPressa.ru, говорилось в публикации германской газеты Die Zeit. Глава «Зеленых» в Баден-Вюртенберге Оливер Хильденбранд, со своей стороны, считает, что школу необходимо сделать местом «разнообразия и одобрения», а учащиеся должны уметь принимать «иные формы жизни». На противников тут же был повешен ярлык нетерпимых «транс – и гомофобов».

Против инициатора петиции, оказавшимся учителем реального училища, возбуждено уголовное дело, рассматривается вопрос о профессиональной пригодности преподавателя [5]. Обращает на себя внимание также полное игнорирование массовых протестов во Франции накануне принятия закона об однополых браках.

Обратной стороной унификации является неприятие Другого. Деление на своих и чужих – характерная черта любой идеологии, но в современных условиях это деление выходит на новый уровень. Неприятие другого приобретает неявный характер. Так, согласно С. Жижеку, неспособность оставаться безразличным к существованию Другого, удерживание Другого на надлежащей дистанции является одной из основных проблем либерального мультикультурализма. Это резко контрастирует с носителями «явных» идеологий, в качестве примера которых приводятся св. Павел, фундаменталисты, амиши. Последние как истинные верующие в священное и универсальное Дело демонстративно безразличны к местным обычаям и нравам, которые просто не имеют значения. В отличие от них, либерал – это «ироник», сохраняющий дистанцию по отношению к Другому: «Наша повседневная жизнь в эпоху позднего капитализма связана с беспрецедентным отрицанием жизненного опыта других. Мы старательно обходим бездомного, сидящего перед входом, наслаждаемся обедом, когда голодают дети, спокойно спим ночью, когда страданий не становится меньше, – атомизированная повседневность требует от нас систематического отказа от близости с другими, от нашей связи с ними (на языке господствующей культуры наша экономика состоит из индивидов, уважающих индивидуальность друг друга)» [1, с. 77].

Таким образом, языковая унификация является одним из идеологических аспектов межкультурного диалога в постсекулярной культуре. Унификация проявляется в приведении к единообразию, что реализуется в следующих тезисах:

– Первый связан с пересмотром понятия идентичности. Субъект приобретает идентичность через репрезентацию в дискурсе и тем самым субъективность утрачивает онтологический статус.

– Формирование представлений о единстве человеческой природы. На представлении о единстве человеческой природы базируется, в частности, идеология политкорректности, борьба за терпимость и толерантность.

– Конституирование идентичности в идеологии потребления. В рамках данной трактовки вещи функционируют как знаки, формируя обыденное сознание и систему культурных ценностей.

– Кроме того, унификация проявляется в сведении всех проявлений социального к единой форме, отсутствие деления на трансцендентный и имманентный уровни социума.

Литература и источники

1. Жижек, С. О насилии. – М., 2010.

2. Жижек, С. Хрупкий абсолютизм, или Почему стоит бороться за христианское наследие. – М., 2003.
3. Кураев, А.В. Вызов экуменизма. – М., 2008.
4. Терборн, Й. С плюрализмом Европа не в ладах. Сложности мультикультурализма [Электронный ресурс]. – Режим доступа: // <http://www.russ.ru/Mirovaya-povestka/S-plyuralizmom-Evropa-ne-v-ladah>.
5. Эко, У. Полный назад! «Горячие войны» и популизм в СМИ. – М., 2007.
6. Laclau, E., Hegemony and Socialist Strategy / E. Laclau, Ch. Mouffe. – London, NY, 2001.

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТИРЫ ПИОНЕРСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК ОСНОВАНИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА

Минова М. Е. (Минск, Беларусь)

Современных пионеров разных стран объединяют общие ценности, которые способствуют их солидарности, взаимопониманию и сотрудничеству, независимо от национальной и государственной принадлежности. Пионерские организации Республики Беларусь и Российской Федерации обладают как общими, так и оригинальными ценностными ориентирами, определяющими их деятельность. Пионерские организации продолжают традиции Всесоюзной пионерской организации имени В.И. Ленина, о чем свидетельствуют их ценностные ориентиры, ритуалы и символика. Традиционными ценностными ориентирами пионерских организаций остаются законы пионеров (законы дружбы, заботы, слова, хозяина, чести и т.д.) и социально-педагогическая направленность их деятельности: ориентация на развитие и социализацию личности пионера, на социально значимую деятельность. Эти ценности являются основаниями для диалога и сотрудничества пионерских организаций.

Пионерские организации Республики Беларусь и Российской Федерации сохранили принципы организационного устройства пионерской организации СССР: пионерские отряды, дружины, самоуправление, сборы, слеты и т.д. Символическая основа пионерских организаций также свидетельствует о продолжении традиций: символами и атрибутами остаются пионерское знамя, галстук, значок, девиз, салют, горн, барабан и т.д. Сохранились и пионерские ритуалы: торжественное обещание, прием в пионеры, пионерский костер, пионерские линейки, песни, игры «Зарница», «Пионербол» и т.д. Вышеназванные традиции пионерии свойственны современным пионерским организациям Республики Беларусь и Российской Федерации, что свидетельствует об общности их ценностей и принципов деятельности.

Вместе с тем, существуют и определенные различия в ориентирах и организационном устройстве пионерских организаций Республики Беларусь и Российской Федерации. Пионерское движение Республики Беларусь